

Рец. на кн.: М.С. ДРУСКИН. СОБР. СОЧ.: В 7 Т. Т. 5:
**РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИОННАЯ ПЕСНЯ / СОСТ., ВСТУП. СТ.,
МАТЕРИАЛЫ, ПУБЛ. ПИСЕМ И ДОКУМЕНТОВ,
КОММЕНТ. С.В. ПОДРЕЗОВОЙ. СПб.: Композитор, 2012. 800 с.**

Рустам Ибрагимович Фахретдинов

Европейский университет в Санкт-Петербурге
3 Гагаринская ул., Санкт-Петербург, Россия
rfakhretdinov@eu.spb.ru

Аннотация: Рецензируемая книга — расширенное переиздание работ музыковеда М.С. Друскина 1930–1960-х гг. о песнях социальных протестов, снабженное современным фактологическим комментарием и указателями. Автор, вращавшийся в музыкальных формалистских кругах, критикуется за дефицит формализма в собственных работах, которые страдают терминологической неопределенностью и противоречивостью систематизаций, однако исходят из продуктивного тезиса об относительности новизны любой «новой» песни и необходимости ее рассмотрения в контексте всей песенной традиции общества. Отмечается внушительная работа составителя и выражается сожаление, что он не стал углубляться в критический анализ публикуемых текстов, что значительно подняло бы ценность издания и интерес к нему.

Ключевые слова: революционные песни, массовая культура, Гражданская война.

Для ссылки: Фахретдинов Р. Рец. на кн.: М.С. Друскин. Собр. соч.: В 7 т. Т. 5: Русская революционная песня. СПб.: Композитор, 2012. 800 с. // Антропологический форум. 2017. № 35. С. 229–240.

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/035/fakhretdinov.pdf>

ANTROPOLOGICHESKIJ FORUM, 2017, NO. 35

**A Review of M. S. DRUSKIN, COLLECTED WORKS:
IN 7 VOLS., VOL. 5: RUSSKAYA REVOLUTSIONNAYA PESNYA
[THE RUSSIAN REVOLUTIONARY SONG], COMP., INTR. ARTICLE,
MATERIALS, PUBL. OF LETTERS AND DOCUMENTS, AND COMM.
BY S. V. PODREZOVA. St Petersburg: Kompozitor, 2012, 800 pp.**

Rustam Fakhretdinov

European University at St Petersburg
3 Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia
rfakhretdinov@eu.spb.ru

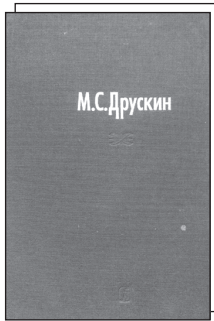
Abstract: The reviewed book is the expanded reissue of the work of musicologist M. S. Druskin from the period of 1930–1960 and is devoted to songs of social protest. Druskin, who had orbited formalist circles, isn't formalist in his own works. His works are terminologically vague, and his systemization is contradictory. Nevertheless, his basic thesis is productive: any new songs are only relatively new and we must analyze them in their contexts as part of a community's "song tradition." While the work of the editor Svetlana Podrezova is impressive, it is unfortunate that she did not delve into a critical analysis of the published texts, which would have significantly raised the value of the publication as well as interest in Druskin.

Key words: revolutionary songs, mass culture, Russian Civil War.

To cite: Fakhretdinov R., 'A Review of M. S. Druskin, Collected Works: in 7 vols., vol. 5: Russkaya revolutsionnaya pesnya [The Russian Revolutionary Song]. St Petersburg: Kompozitor, 2012, 800 pp.', *Antropologicheskij forum*, 2017, no. 35, pp. 229–240.

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/035/fakhretdinov.pdf>

Рец. на кн.: **М.С. Друскин.** Собр. соч.: В 7 т. Т. 5: *Русская революционная песня* / Сост., вступ. ст., материалы, публ. писем и документов, коммент. С.В. Подрезовой. СПб.: Композитор, 2012. 800 с.

Рецензируемая книга — расширенное переиздание работ музыковеда М.С. Друскина 1930–1960-х гг. о песнях социальных протестов, снабженное современным фактологическим комментарием и указателями. Автор, вращавшийся в музыкальных формалистских кругах, критикуется за дефицит формализма в собственных работах, которые страдают терминологической неопределенностью и противоречивостью систематизаций, однако исходят из продуктивного тезиса об относительности новизны любой «новой» песни и необходимости ее рассмотрения в контексте всей песенной традиции общества. Отмечается внушительная работа составителя и выражается сожаление, что он не стал углубляться в критический анализ публикуемых текстов, что значительно подняло бы ценность издания и интерес к нему.

Ключевые слова: революционные песни, массовая культура, Гражданская война.

Собрание сочинений ленинградского музыковеда М.С. Друскина — совместный проект Российского института истории искусств и Санкт-Петербургской государственной консерватории. Первый том — о клавирной музыке эпох Ренессанса и Просвещения — увидел свет в 2007 г., через два года появился четвертый том — о Стравинском, в 2012 г. — рецензируемый пятый, посвященный русской революционной песне — фольклористическому наследию Друскина. На сегодня этот том последний. Готовятся к печати два тома о творчестве И.С. Баха (второй и третий), в проекте шестой том о музыке второй половины XX в. и седьмой — с дневниками и воспоминаниями.

Том «Русская революционная песня» вышел пять лет назад, собранные в нем работы созданы в 1950–1960-е гг., а первые редакции некоторых вышли в 1930-е гг. — в этом смысле книга не совсем новинка. Но она осталась в тени предшествующих томов о классической музыке: не попала в каталоги ведущих интернет-магазинов, не заинтересовала рецензентов, ссылки на нее в научных работах с открытым доступом ограничиваются статьями коллег и соавторов составителя [Комелина, Лурье, Подрезова 2013; Лурье 2013].

Рустам Ибрагимович Фахретдинов
Европейский университет
в Санкт-Петербурге,
Санкт-Петербург, Россия
rfakhretdinov@eu.spb.ru

Книга повторила судьбу прижизненных изданий этих же работ, павших жертвой дисциплинарных границ: с одной стороны, они не про классическую музыку, и даже не про музыку профессиональную — основную сферу интересов музыковедов, а с другой — не про «традиционный» крестьянский фольклор, да и вообще не про фольклор в узких его трактовках, предполагающих варируемость и анонимность. Русские революционные песни не принято ассоциировать с фольклором — это песни массовой культуры, созданные в канолах литературной традиции и тональных ладах, причем неважно, профессионалами или любителями, хотя в их характере, бытовании и функциях многое типологически близко фольклорным моделям.

Казалось бы, такие песни следует изучать в первую очередь, ведь они нас и окружают: не каждый случайный прохожий вспомнит творения Стравинского или Баха, но вряд ли кто-то не опознает пару десятков песен массовой культуры. Тем не менее «круг этих революционеров» — академических исследователей массовой песни — по-прежнему узок. И даже в этом кругу, где имя Друскина игнорировать трудно, он рискует получить лишь критический абзац в историографии, судя по которому немногие страницы были прочитаны критиком [Глушаков 2016: 4]. И сам Друскин оказался в этом кругу вынужденно. Песнями он занимался в периоды потери «обычной» работы за причастность к формализму (С. 9, 30): в 1920-е гг. был секретарем ленинградского кружка новой музыки и Ленинградской ассоциации современной музыки. Обе организации выступали за новые формальные средства выразительности как основу «левого» искусства и проводили концерты отечественного и западного авангарда. Обе критиковались Российской ассоциацией пролетарских музыкантов как мелкобуржуазные. В 1930-е гг. это мнение разделило партийное руководство страны, развернувшее кампанию по борьбе с формализмом. Первой ее крупной мишенью стал Д.Д. Шостакович — тоже бывший участник кружка новой музыки и Ассоциации современной музыки [Сумбур вместо музыки 1936].

Еще один повод вспомнить о рецензируемом томе — столетний юбилей революции 1917 г. и 80-летний — «Большого террора», в ходе которого была репрессирована и рукопись «Антологии русской революционной песни» под редакцией Друскина — самое объемное собрание русских революционных песен с нотами, по сей день не изданное. Музгиз не решился его печатать в ситуации, когда объективная грань между революционным и антисоветским исчезла.

Антология пополнила череду нереализованных или радикально цензурированных межвоенных академических песенных

изданий, основу которых составили полевые записи. В начале 1930-х гг. не увидели свет запланированные к выходу собрания, включавшие песни «деклассированных элементов» («Песни уличных певцов» А.М. Астаховой, 1932 [Лурье 2011], «Песни царского острога» В.И. Чичерова, 1932–1933, «Современный фольклор» Ю.М. Соколова, 1933 [Лурье 2016а; 2016б], «Тюремные песни» О.В. Цехновицера, 1933 [Цехновицер 2012]).

С середины 1930-х гг. пришла очередь песен революционного движения и Гражданской войны. В 1935 г. Нацсектор Музгиза открыл нотную серию «Песни Гражданской войны», но ее первый же выпуск с песнями и частушками сибирских красных партизан («Мой миленок партизан / За рабочих и крестьян / Всем буржуйам морду бьет, / Крестьянам землю отдает» и т.д.) [Сенкевич 1935] оказался последним. В помпезном издании «Творчество народов СССР» [1937], которое готовилось по заданию ЦК ВКП (б) при участии М. Горького и сопровождалось всесоюзной кампанией по сбору фольклора советского периода, тексты раздела «Гражданская война» вышли без комментариев, некоторые без паспортов; подлинность большинства из них сомнительна. Не попал в печать сборник песен рабочих, составленный в 1938 г. коллегой Друскина П.Г. Ширяевой. Он появился лишь в 1984 г., без комментариев, с неполными паспортами и осторожной вводной статьей [Ширяева 1984].

Рецензируемый пятый том тоже был своеобразно репрессирован: Роспечать отказалась включать революционные песни в грантовую программу «Культура России», и том был издан на средства коллег, учеников и друзей Друскина.

В томе собраны работы Друскина о песнях, связанных с социальным протестом. Центральная из них — исследовательский очерк «Русская революционная песня», законченный Друскиным в июне 1953 г., к нему приложены две рецензии современников, в том числе впервые публикуемая жесткая версия рецензии Л.Н. Лебединского. Революционную тематику продолжают пять научно-популярных работ и редакционные материалы «Антологии русской революционной песни», извлеченные составителем из архивов Пушкинского Дома и Государственного центрального музея музыкальной культуры. С.В. Подрезова составила опись архивных фондов антологии (которые, как оказалось, сохранились практически полностью), таким образом открыв к ним доступ исследователей. При желании эта антология вполне может быть восстановлена и издана вдогонку к ее столетнему юбилею, но вряд ли кто-то, кроме самой С.В. Подрезовой, обладает для этого достаточной компетенцией.

В издание вошла также статья «Студенческая песня в России 1840–1860-х годов» (1939, нов. ред. 1960), посвященная изменению облика студенческих песен с приходом в университеты разночинцев, и четыре обзорных текста, написанных при подготовке «Международной антологии рабочей песни», в которую, помимо профессионального фольклора рабочих, должны были войти песни партизан и узников Второй мировой войны. Этот проект, начатый по инициативе чешских исследователей в 1961 г., за несколько лет до Пражской весны, не был завершен. Друскин не посвятил ему примечательных работ — это сделал его младший коллега филолог В.Е. Гусев [Гусев 1962; 1964; 1979].

В подборку не попали журнальные публикации Друскина 1920–1950-х гг. о революционных песнях (первая статья «Сущность революционной музыки» опубликована в 1927 г.), брошюра «Революционные песни 1905 года» (1936) и часть научно-популярной брошюры «Русская революционная песня» (1959) — их материалы были переработаны в последующих книжных публикациях, вошедших в том.

В Приложении дан список трудов Друскина о песнях, указатели упоминаемых в томе песен и имен. Приложение облегчает навигацию по тому, но чтобы не запутаться в хронологии опубликованных текстов, придется держать перед глазами и список трудов (С. 770–771), и финал вводной статьи с разъяснением структуры тома (С. 38–40). Знание даты публикации здесь принципиально: текущий момент диктовал автору идеологические рамки.

Составитель дополнил комментарии Друскина и указал на допущенные им неточности с учетом более поздних исследований, в том числе канонических антологий «Русская вольная поэзия» и «Песни русских поэтов» [Гусев 1988; Рейсер 1988], дал необходимые современному читателю исторические и биографические справки, сделал ссылки на мемуары и другие источники, которые Друскин опустил. С песенными работами Друскина теперь лучше знакомиться по этому изданию.

Критика трудов, написанных более полувека назад, кажется странной, но все-таки скажем несколько слов о месте Друскина в русской фольклористике, прежде всего о его очерке. Это откроет еще одну причину низкой цитируемости автора.

Публикуемые работы о революционных песнях создавались в годы, которые формалистской стройности и свободе мысли не способствовали (эпоху плюрализма Друскин застал лишь студентом), и, пожалуй, потому лучшая история революционной песни создана не фольклористом по должности и образованию,

а музыковедом, воспитанником Петроградской консерватории, которая лишь накануне ее окончания Друскиным стала Ленинградской. Наблюдения 1930–1950-х гг. о песнях, принадлежащие перу музыковедов (Б. Асафьев, М. Друскин, И. Нестьев) и дилетантов из числа профессиональных авторов песен (композитор А. Новиков, поэт А. Сурков), оказывались оригинальнее и смелее, чем работы фольклористов: граница между тем, что можно и что нельзя писать про фольклор, в головах музыковедов, поэтов и композиторов была менее определенной [Сурков 1934; Новиков 1936; Асафьев 1947; Нестьев 1947].

Однако и эти последние вынуждены были балансировать в узком коридоре между марксистским абсурдом и идеологически опасными выводами, а потому избегали ясных терминов и стройных суждений, предпочитая туманные описания, плохо переводимые в лексику 58-й статьи Уголовного кодекса, но при этом, увы, и плохо конвертируемые в другие научные работы.

В итоге работам Друскина, которого упрекали в формализме, как раз формализма и не хватает. Начнем с того, что в исследовании не определен сам объект: Друскин уклонился от расшифровки термина «революционная песня». Он пишет о типологически разных песнях, которые он сам и его информанты интуитивно считали революционными, прежде всего на основании тематики. Это и песни, которые попадали под цензурные запреты по политическим мотивам («Интернационал», «Варшавянка»), и легальные песни на стихи русских поэтов — большей частью, о разбойниках и арестантах (пушкинский «Узник», «Узница» Полонского, «Есть на Волге утес»), и сатирические куплеты с негативным упоминанием представителей власти («Трепов — жирный генерал, — / Всех жандармов собирал», «Председатель всех болванов / Николай Второй Романов»). С одной стороны, часть этих песен бытовала и безотносительно к революционному движению, а с другой — в определенных ситуациях любое пение запрещалось, и таким образом даже извне позиционировалось как сознательный протест. До февраля 1917 г. категорически запрещалось петь (даже военным на марше) на улицах Петербурга и Москвы, и в дни наводнений, когда полиция покидала затопленные улицы, горожане демонстративно пели и шутили, катаясь на плотках из подручных средств — «наслаждались “гражданской свободой”» [Телешов 1952: 274].

Красные песни Гражданской войны попали у Друскина в перечень революционных лишь на основании того, что их пели красные и что в их тексте упоминаются реалии этой войны, даже минимальные, вроде замены «Чуркина-атамана» на «красного атамана».

Л.Н. Лебединский резонно упрекнул автора в недостатке внимания к песням, которые *выполняли функцию революционных*, тематически не будучи ими, и в распространении термина «революционные песни» на песни Гражданской войны, которые были, по мнению Лебединского, в первую очередь просто солдатскими песнями. Оспорил он и отсылку к «народным» корням революционной песни — изобретения чисто интеллигентского (С. 312, 314, 318–319). Однако этот вариант рецензии, как уже отмечалось, Лебединский не опубликовал.

Не определил Друскин и другие термины, используемые для систематизации материала. Среди источников песен Гражданской войны он перечислил старые революционные песни, жесткие романсы, трудовые песни-жалобы, старый армейский фольклор (к которому отнес любые песни военной тематики, включая «Ермака» и «Гибель Варяга»), марши военных духовых оркестров, городские бытовые и украинские песни (С. 204–209), но эти группы выделены по разным принципам (языку, теме, среде бытования), пересекаются и не представляют собой единой системы.

Редкие попытки дать точные определения еще более запутывают читателя: «песенно-гимническую струю революционного фольклора» Друскин определяет как «боевые песни, которые объединяют сознание, волю и чувства масс *в действии*. Они отмечены *высокой обобщенностью* содержания текста и музыки, которой чужд повествовательный или личный, субъективный характер изложения. Эта обобщенность сочетается с максимальной *доходчивостью, конкретностью* политических призывов, обращенных к широким слоям народа» и т.д. (С. 168). Далее в качестве примера даны строки «Интернационала», который, бесспорно, был гимном даже по официальному статусу, но доходчивость которого дискуссионна: распространенной песней «широких слоев народа» он не стал, слова и напев оказались для этого слишком непонятными [Большаков 1925: 179]. Под определение Друскина подходят скорее куплеты «Яблочка» вроде «Будем рыбу мы кормить коммунистами», в которых налицо и конкретность, и доходчивость.

Роль некоторых значимых песен Друскин преувеличил или затушевал в соответствии с их более поздним статусом. Так, наиболее популярными «старыми» революционными песнями, бытовавшими на Гражданской войне, он назвал гимн большевиков «Интернационал», «Варшавянку», «Смело, товарищи, в ногу», «Красное знамя», «Мы кузнецы», «Вы жертвою пали» и «Замучен тяжелой неволей». Последняя попала в список скорее потому, что, по утверждению Н. Крупской, ее любил Ленин и под нее его хоронили (Друскин пишет об этом

в брошюре, с. 408), но на Гражданской войне она особой популярностью не пользовалась. «Мы кузнецы» и «Красное знамя» занимали более скромное место, чем указывает Друскин. При этом «Марсельезу» — главного конкурента «Интернационала» — Друскин в контексте Гражданской войны не упомянул, продолжив прочную советскую традицию по дискредитации той роли, которую эта песня продолжала играть в 1900–1910-е гг., в том числе в Красной армии [Дымшиц 1936].

При всех этих оговорках очерк Друскина — наиболее цельная, аргументированная на музыкальном, текстологическом и социальном материале картина эволюции русской массовой песни XIX — начала XX в. на примере той ее части, которая в обиходе ассоциировалась с революционной традицией, пусть даже картина описательная, слабо структурированная и без четкой терминологии.

Главный теоретический тезис очерка «Русская революционная песня» — относительность новизны и традиционности. «Новая» песня, возникающая в сообществе, даже если прямо не использует тексты и/или мелодии бытующих в нем песен, перенимает элементы их поэтики, тематики и интонаций, т.е., с одной стороны, соотносится с актуальной песенной традицией, с другой — ее развивает (С. 80–81). И тексты, и напевы революционных песен трансформируются, потому что интонационные предпочтения и ситуации бытования становятся иными (С. 132–133). Друскин показал на примерах, как традиция определяет и судьбу заимствований: «Интернационал», «Варшавянка» и другие иноязычные в оригинале песни, став русскими, изменили мелодический рисунок в соответствии с интонационными привычками принявшего их общества.

Тезис этот не нов и даже банален. О том же писал учитель Друскина Б. Асафьев про музыкальные произведения в целом [Асафьев 1947], а М. Азадовский — про фольклор, характеризуя фольклорный процесс как постоянное появление нового на основе старого [Азадовский 1925: 38]. Но Друскин открыто применил тезис на идеологически деликатном материале. Революционные песни, пишет он, подчиняются тем же закономерностям, что и другие песни, и в отрыве от песенной культуры в целом их рассматривать бессмысленно (С. 80). Из этого, вообще говоря, следует, что все песни равноправны, и нет качественной разницы между песнетворчеством до 1917 г. и после 1917 г., между песнями «советскими» и «антисоветскими». То есть Друскин стоит на тех же принципах, что и отечественная фольклористика 1920-х гг.: все песни независимо от тематики и социальной среды бытования должны быть учтены [Соколов, Соколов 1926: 50], все они культурно закономерны

и влияют на дальнейшее развитие традиции. Друскин использует этот фольклористический подход и к авторским песням.

На фоне работ 1930 — начала 1950-х гг. это смелая позиция: безопаснее было бы настаивать на качественном отличии песен после 1917 г., пусть это даже и неправда. Составитель сборника «Красноармейский фольклор» [Сидельников 1938а] В. Сидельников вопреки содержимому сборника утверждал, что Красная армия в ходе Гражданской войны перешла на новые песни, с песнями царской армии генетически не связанные [Сидельников 1938б: 11–12]. Утверждение можно было бы списать на тенденциозность Сидельникова, если бы редактором сборника не был самый влиятельный советский фольклорист тех лет Ю.М. Соколов, еще недавно стоявший на прямо противоположных позициях.

Друскин показывает на примерах, как при создании новой, в том числе революционной, песни в ход идет любой, тематически сколь угодно далекий от финального продукта материал, будь то анонимный «мещанский» романс или классическая опера (С. 79, 105–106). Он прослеживает, как менялись каноны революционных песен: распевные песни второй половины XIX в. с жертвенной тематикой, стилизованные под тонику трехсложниками и ориентированные на сольное исполнение в кругу слушателей, на рубеже веков отступили под напором динамичных двусложных куплетов и хоровых маршей.

Друскину приходится имитировать соответствие своей работы трудам лидеров советского государства В.И. Ленина и И.В. Сталина. Исследовательский очерк выстроен в соответствии с ленинской хронологией русского революционного движения (дворянский, разночинский и пролетарский периоды), и это хронологическое деление мешает формальному анализу: разговор о маршах приходится начать в народнической главе, чтобы вскоре бросить, сославшись на то, что он будет уместнее в главе о рабочем движении (С. 132–133). С другой стороны, иногда цитаты из «отца народов» легитимируют построения самого Друскина: сталинская идея о культуре, сохраняющей национальную форму и после обретения «социалистического содержания», дана как подтверждение относительной устойчивости песенной традиции (С. 72–73).

Друскин (отчасти не по своей воле) объединил в себе знания классического музыканта, знатока европейской и русской музыки, и фольклориста-собиравателя, но возможности для воплощения этого синтеза в научный продукт были ограничены идеологическими рамками страны и эпохи.

Составитель тома проделал титаническую источниковедческую работу, добавив комментарии и устранив фактические

ошибки. Остается сожалеть, что он уклонился от теоретической оценки исследований Друскина, который так и не ответил на вопрос, что такое революционная песня, какое место она занимает в русской песенной традиции и с какими оговорками о ней можно говорить как о некоей обособленной системе.

Источники

- [Гусев] Песни русских поэтов: В 2 т. / Вступ. ст., биогр. справки, сост., подг. текстов и примеч. В.Е. Гусева. Л.: Сов. писатель, 1988. Т. 1. 664 с.; Т. 2. 624 с.
- [Рейсер] Вольная русская поэзия XVIII–XIX веков / Вступ. ст., сост., вступ. заметки, подг. текста и примеч. С.А. Рейсера. Л.: Сов. писатель, 1988. Т. 1. 672 с.; Т. 2. 720 с.
- Сенкевич В. Песни сибирских партизан: для одного голоса без сопровожд. / Предисл. А. Суркова. М.: Музгиз, 1935. VIII+4 с.
- Сидельников В.М. (сост.). Красноармейский фольклор / Под ред. Ю.М. Соколова. М.: Сов. писатель, 1938а. 208 с.
- Сумбур вместо музыки. Об опере «Леди Макбет Мценского уезда» // Правда. 1936, 8 янв.
- Творчество народов СССР / Под ред. А.М. Горького, Л.З. Мехлиса. М.: Правда, 1937. 534 с.
- Телешов Н. Записки писателя. М.: Сов. писатель, 1952. 357 с.
- Цехновицер О.В. <Тюремные песни> / Вступ. ст., подг. текстов Т.С. Царьковой, коммент. М.Л. Лурье // Ежегодник Рукоп. отдела Пушк. Дома на 2011 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2012. С. 442–666.
- [Ширяева] 100 песен русских рабочих / Сост. П.Г. Ширяева. Л.: Музыка, 1984. 216 с.

Библиография

- Азадовский М. Беседы собирателя. 2-е изд. Иркутск: Иркут. секция науч. работников Рабпроса, 1925. 116 с.
- Асафьев Б. Музыкальная форма как процесс. М.; Л.: Музгиз, 1947. Кн. 2: Интонация. 163 с.
- Большаков А.М. Советская деревня (1917–1925 гг.): Экономика и быт. 2-е изд. Л.: Прибой, 1925. 263 с.
- Глушаков Я.В. Массовая песня в отечественной культуре первой половины XX века: Дис. ... канд. иск. / Российская академия музыки им. Гнесиных. М., 2016. 191 с. <http://www.gnesin-academy.ru/sites/default/files/dissovet/GloushakovYV_diss.pdf>.
- Гусев В.Е. Изучение антифашистского фольклора в Югославии (обзор исследований) // Советская этнография. 1962. № 5. С. 157–160.
- Гусев В.Е. Песни польских партизан (По материалам научной командировки в Польшу в 1963 году) // Советская этнография. 1964. № 3. С. 64–75.

- Гусев В.Е.* Славянские партизанские песни. Л.: Наука, 1979. 176 с.
- Дымишиц А.Л.* О «рабочих Марсельезах» // Советский фольклор. М.; Л.: АН СССР, 1936. № 4–5. С. 281–297.
- Комелина Н., Лурье М., Подрезова С.* Песни уличного певца Владимира Егорова в фонографической записи А.М. Астаховой // Антропологический форум. 2013. № 19 Online. С. 233–328. <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/019online/komelina_lurie_podrezova_links.pdf>.
- Лурье М.Л.* Творцы, певцы и продавцы городских песен (по материалам невышедшего сборника А.М. Астаховой) // Живая старина. 2011. № 1. С. 2–6.
- Лурье М.* Политические и тюремные песни в начале XX века: между пропагандой и фольклором // Русский политический фольклор: Исследования и публикации. М.: Новое изд-во, 2013. С. 19–38.
- Лурье М.Л.* Варианты «Кирпичиков» как часть «Современного фольклора» (из истории советской фольклористики) // Ахметова М.А., Петров Н.В., Христофорова О.Б. (сост.). Genius Loci: Сб. статей в честь 75-летия С.Ю. Неклюдова. М.: Форум, 2016а. С. 265–327.
- Лурье М.Л.* Песни «деклассированных слоев» в записи советских фольклористов (конец 1920-х — начало 1930-х гг.) // Традиционная культура. 2016б. № 2. С. 139–161.
- Нестьев И.В.* Массовая песня // Очерки советского музыкального творчества. М.; Л.: Музгиз, 1947. Т. 1. С. 235–276.
- Новиков А.* Поход за песнями гражданской войны // Советская музыка. 1936. № 2. С. 17–22.
- Сидельников В.М.* Устное творчество Красной Армии // Сидельников В.М. (сост.). Красноармейский фольклор. М.: Сов. писатель, 1938б. С. 9–23.
- Соколов Б., Соколов Ю.* Поэзия деревни. М.: Новая Москва, 1926. 166 с.
- Сурков А.* Песенники на середину // Знамя. 1934. № 8. С. 220–237.

Рустам Фахретдинов

A Review of M. S. Druskin, Collected Works: in 7 vols., vol. 5: *Russkaya revoliutsionnaya pesnya* [The Russian Revolutionary Song], comp., intr. article, materials, publ. of letters and documents, and comm. by S. V. Podrezova. St Petersburg: Kompozitor, 2012, 800 pp.

Rustam Fakhretdinov

European University at St Petersburg,
3 Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia
rfakhretdinov@eu.spb.ru

The reviewed book is the expanded reissue of the work of musicologist M. S. Druskin from the period of 1930–1960 and is devoted to songs of social protest. Druskin, who had orbited formalist circles, isn't formalist in his own works. His works are terminologically vague, and his systemization is contradictory. Nevertheless, his basic thesis is productive: any new songs are only relatively new and we must analyze them in their contexts as part of a community's "song tradition." While the work of the editor Svetlana Podrezova is impressive, it is unfortunate that she did not delve into a critical analysis of the published texts, which would have significantly raised the value of the publication as well as interest in Druskin.

Keywords: revolutionary songs, mass culture, Russian Civil War.

References

- Asafyev B., *Muzykalnaya forma kak protsess* [Musical Form as Process]. Moscow; Leningrad: Muzgiz, 1947, vol. 2, 163 pp. (In Russian).
- Azadovskiy M., *Besedy sobiratelya* [Conversations of the Field Researcher], 2nd ed. Irkutsk: Irkutsk Dep. of Science Educators, 1925, 116 pp. (In Russian).
- Bolshakov A. M., *Sovetskaya derevnya (1917–1925 gg.): Ekonomika i byt* [The Soviet Village in 1917–1925: Economic and Everyday Life], 2nd ed. Leningrad: Priboy, 1925, 263 pp. (In Russian).
- Dymshits A. L., 'O "rabochikh Marselyezakh"' [On Worker's Marseillaises], *Sovetskiy folklor* [Soviet Folklore]. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Press, 1936, vol. 4–5, pp. 281–297. (In Russian).
- Glushakov Y. V., *Massovaya pesnya v otechestvennoy kulture pervoy poloviny XX veka* [The Mass Song in Russian Culture in the First Half of the 20th Century]: PhD Thesis, Gnessim Russian Academy of Music. Moscow, 2016, 191 pp. (In Russian).
- Gusev V. E., 'Izuchenie antifashistskogo folklor v Yugoslavii (obzor issledovaniy)' [The Study of the Anti-Nazi Folklore in Yugoslavia (A Review)], *Sovetskaya etnografiya*, 1962, no. 5, pp. 157–160. (In Russian).

- Gusev V. E., 'Pesni polskikh partizan' [Songs of Polish Partisans], *Sovetskaya etnografiya*, 1964, no. 3, pp. 64–75. (In Russian).
- Gusev V. E., *Slavyanskie partizanskie pesni* [Slavic Partisan Songs]. Leningrad: Nauka, 1979, 176 pp. (In Russian).
- Komelina N., Lurye M., Podrezova S., 'Pesni ulichnogo pevtsa Vladimira Egorova v fonograficheskoy zapisi A. M. Astakhovoy' [Songs of Street Singer Vladimir Egorov in A. M. Astakhova's Phonographic Record], *Antropologicheskij forum*, 2013, no. 19 online, pp. 233–328. <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/019online/komelina_lurie_podrezova_links.pdf>. (In Russian).
- Lurye M. L., 'Tvoitsy, pevtsy i prodavtsy gorodskikh pesen (po materialam nevyshedshego sbornika A. M. Astakhovoy' [Creators, Singers and Sellers of Urban Songs (Based on the Materials of the Unpublished A. M. Astakhova's Collection)], *Zhivaya starina*, 2011, no. 1, pp. 2–6. (In Russian).
- Lurye M. L., 'Politicheskie i tyuremnye pesni v nachale XX veka: mezhdru propagandoy i folklorom' [Political and Prisoner's Songs in the Early 20th Century: Between Propaganda and Folklore], *Russkij politicheskij folklor* [Russian Political Folklore], Moscow: Novoye izdatelstvo, 2013, pp. 19–38. (In Russian).
- Lurye M. L., 'Varianty "Kirpichikov" kak chast "Sovremennogo folkloru" (iz istorii sovetskoy folkloristiki)' [Variants of "Kirpichiki" as a Part of "Modern folklore" (from the History of the Soviet Folklore Studies)], *Genius Loci: Sbornik statey v chest 75-letiya S. Yu. Neklyudova* [Genius Loci: S. Yu. Neklyudov 75th Anniversary's Festschrift]. Moscow: Forum, 2016, pp. 265–327. (In Russian).
- Lurye M. L., 'Pesni "deklassirovannykh sloev" v zapisi sovetskikh folkloristov (konets 1920-kh — nachalo 1930-kh gg.)' [Songs of "De-classed Layers" in the Record of Soviet Folklorists (Late 1920s and Early 1930s)], *Traditsionnaya kultura*, 2016, no. 2, pp. 139–161. (In Russian).
- Nestyev I. V., 'Massovaya pesnya' [Mass Song], *Ocherki sovetskogo muzykalnogo tvorchestva* [Essays on the Soviet Musical Creativity]. Moscow; Leningrad: Muzgiz, 1947, vol. 1, pp. 235–276. (In Russian).
- Novikov A., 'Pokhod za pesnyami grazhdanskoy voyny' [Campaign for Songs of the Civil War], *Sovetskaya muzyka*, 1936, no. 2, pp. 17–22. (In Russian).
- Sidelnikov V. M., 'Ustnoe tvorchestvo Krasnoy Armii' [Oral Creative Work of the Red Army], Sidelnikov V. M. (comp.), *Krasnoarmeyskiy folklor* [Red Army Folklore]. Moscow: Sovetskiy pisatel, 1938, pp. 9–23. (In Russian).
- Sokolov B., Sokolov Yu., *Poeziya derevni* [Village Poetry]. Moscow: Novaya Moskva, 1926, 166 pp. (In Russian).
- Surkov A., 'Pesenniki na seredinu' [Singers to the Middle], *Znamya*, 1934, no. 8, pp. 220–237. (In Russian).